

«Чтоб ни капли меня – только Ты»

Зинаида Миркина родилась в 1926 году в Москве в атеистической семье. Отец – большевик, мать – активная комсомолка. Вся атмосфера дома была пронизана глубокой верой в идеалы революции. Духовная лирика могла бы вызвать только насмешку и недоумение.

Девочка рано стала задумываться о жизни, о душевных приоритетах. В 14 лет к ней попала книга Бруно Ясенского «Человек меняет кожу», которая убедила Зинаиду в том, что горение души намного важнее материальных ценностей, мало того, это горение даже важнее результатов самого горения. Главное, чтобы душа не спала, чтобы она была на пределе своих усилий.

Затем война, эвакуация в Новосибирск. Голод, тяжёлый быт, изнурительные работы школьников в совхозе... Спасалась стихами, которые писала уже давно, но эта поэзия была далека от духовной.

В Новосибирске ее стихи оценили, она стала редактором школьной газеты, учителя поддержали одарённую девочку. Но Зинаида тосковала по Москве и, когда пришло время поступать в институт, вернулась в родной город.

В 1943 году Зинаида Миркина поступила на филологический факультет МГУ. Студенческие годы стали годами болезненного созревания души. Зинаида искала ответы на мучавшие её вопросы, но не могла их найти. Она чувствовала, что атеизм «мал и куц», фраза из «Идиота», что «все атеисты не про ТО говорят», была взята как бы из её души.

К окончанию Университета Зинаида слегла на долгих и мучительных 5 лет. Она не вставала с постели, не могла читать, ничего не могла... Могла только просить о смерти, настолько ей было плохо. Но одновременно с мукой чувствовала, «что она – мука эта – моё задание, что душа должна СМОЧЬ ЭТО ВЫНЕСТИ. Крест бывает разный. Это – мой крест. И от того, как я его вынесу, зависит что-то бесконечно важное для всех». Врачи считали, что девушка не сможет выжить, настолько серьёзна и разрушительна была болезнь.

Жизнь разделилась на 2 части – до и после болезни. Зинаида Миркина научилась ходить, научилась заново жить. Люди видят, «что я хожу, как и все. А то, что у всех земля под ногами, а у меня канат, этого не видно. Держусь за воздух... А точнее – за ту самую небесную твердь». Научилась жить глубже болезни, появилось выражение «поднырнуть под болезнь». И теперь Зинаида Александровна знает, что нет смертельной болезни. «Я не победила свою болезнь. Но и она не победила меня. У нас – ничья».

В 1960 году произошло великое событие. Встреча с человеком, который будет её любовью всю жизнь, встреча с Григорием Померанцем.

* * *

Наполнить парус ветром, душу – Богом
И – в дали по мелькающим волнам...
Какая открывается дорога!
Какой просторный, всех вместивший храм!
Мы все скитальцы, все единоверцы,
Над кем одни и те же небеса.
О, только б не закрывшееся сердце!
О, только б не пустые паруса!

* * *

Совсем не делать ничего,
Застыть недвижно тихим утром
И наслаждаться перламутром
Родного неба моего
И раковины на столе,
Моим кораллом снежно-белым...
Да, вовсе ничего не делать,
И даже мысли на нуле.
Быть неподвижно рядом с Богом
И вдруг почувствовать, как много,
Безмерно много мне дано,
Когда есть стол, коралл, окно...

* * *

Явь так тиха!.. Крикливы только сны.
Чем эфемерней, тем они капризней.
А жизнь есть накопленье тишины.
Как тишина-переполнение жизнью.

* * *

Берёз белоснежное пламя –
Из боли нечаянный выход, –
Как мне удивительно с вами!
Как с вами пронзительно тихо...
Как бережно, как осторожно
Дыханьем касаетесь раны...
Здесь ранить меня невозможно,
Здесь я под надёжной охраной
И нет здесь неглавной минуты:
Бог с вами, а значит – со мною...
Бог каждую ветку окутал,
И это зовут тишиною.

* * *

Небо... Небо надо мною —
Прямо в сердце льётся весть:
Есть на свете неземное,
Нескончаемое есть.
Над домами, над погостом,
Всей бескрайностью дыша...
Может, небо – это просто
Разливанная душа?..

* * *

Как тихо – Господи, помилуй.
Душа, как дерево – одна.
А, может, внутренняя сила
И есть вот эта тишина?
Ветвей причудливых извивы.
И еле слышный плеск вершин...
А жизнь деревьев молчаливых
И есть, быть может, жизнь души.

Весь век глубинный голос слушать,
Весь век тянуться до небес...
Что про свою мы знаем душу?
Быть может, то же, что про лес.

Одна, как лодка в океане,
Одна среди мировых пустот...
Кто до своей души достанет,
Тот и до Бога добредёт.

* * *

О, Господи, при чём тут я,
Когда вся глубина Твоя,
Вся бездна бездн растворена
И силы творческой полна?
При чём тут я? При чём?
Зачем,
Когда так целокупно нем
Простор бессолнечного дня
И он берёт в себя меня?
При чём тут я, когда есть лес
И в нём последний крик
исчез
Лишь дятел бьётся,
сук долбя...

О, пробужденье от себя!
Наплыв великой высоты...
При чём тут я, когда есть Ты?
А деревья за окном
Тихие-претихие.
А деревья за окном —
Иноки в исихии.
А деревья за окном
О душе-невольнице —
Обо мне, тебе, о нём —
Дни и ночи молятся.

* * *

Сумерки, тихие сумерки...
Свет меж стволами погас.
Те, кто давно уже умерли,
Рядом со мною сейчас.
Взгляды их тихие встречные
Светят среди темноты.
Нет, не прошедшие – вечные,
Так же, как я или ты.

* * *

Когда закатный свет приблизился к земле,
Когда последний луч зарделся на стволе,
Когда в одном узле скрестились все пути,
И стало ясно вдруг, что некуда идти,
И отворилась в нас такая глубина,
В которой не найти ни края и ни дна.
Минуты и часы остановили бег —
Был Богом до краёв наполнен человек.

* * *

Чем громче, тем дальше от Бога.
Чем тише, тем ближе к Нему.
Ни грома, ни трубного рога —
Лишь шёпот, раздвинувший тьму.
Ты близко, Ты рядом, Всевышний —
На всю мою муку ответ.
Всё тише, всё тише, всё тише...
И вот – расстояния нет.
И что-то до боли родное
Снимает тоску и вину,
И всю мою тишиною
Вступаю в Твою тишину.

* * *

Вот для чего дано нам зренье —
Увидеть ширь и даль морей
И высь небес как отраженье
Души невидимой своей.
И вдруг понять всей тьмой сердечной,
Всем жаром, вспыхнувшим в крови:
Душа как небо бесконечна,
А небеса – разлив любви.

* * *

Окунаются в облако белое,
В ветках – талого снега щепоть...
Ничего эти сосны не делают,
Все за них совершает Господь.
Тихий ветер. Дыханье весеннее
Да настойчивый зов с высоты.
Дай мне, Господи, столько смирения,
Чтоб ни капли меня – только Ты.